1.

Первое, что я помню, – это соленый вкус во рту и жжение на коже.

Я поднялась и ощупала себя: все было цело, только рука немного поцарапана. Я осмотрелась по сторонам: автобусная остановка в пятидесяти метрах, рассыпанный пакет с мусором под ногами. Почувствовала, как по коже щекоткой пробежала тревога: я не понимала, где нахожусь.

Легкие сжались, и я ухватилась за одну-единственную мысль: люди помогут, надо искать людей. Впереди я увидела тропку вдоль парка и светящиеся окнами частные дома и двинулась туда.

На мне не было шапки, и скоро голова начала замерзать, на ногах были надеты мужские ботинки на пару размеров больше – быстро идти не получалось. Мобильного телефона со мной тоже не было. Я думала: надо найти людей, люди помогут. Я стала подходить к каждой двери и нажимать на звонок, я прошла несколько домов, но никто не ответил. За одной из калиток послышались шаги. Я подумала: теперь это мой самый любимый звук, звук надежды, звук человека. Первый встретившийся мне в жизни, моей новой жизни, человек был одет в униформу охранника с нашивкой *Аллигатор* на куртке. Он посмотрел на меня и спросил, что я ищу. Не знаю, на что я рассчитывала, но только там я поняла, что не могу вспомнить, как меня зовут и где я живу. *Мне очень холодно*, выпалила я и опустила глаза, *помогите*. От присутствия взрослого человека рядом мне стало спокойнее, но нижняя челюсть заплясала. Голос изнутри калитки был недоволен:

– Что ты возишься с ней, закрывай, пусть шурует к своим хахалям!
– Да ей, по ходу, реально помощь нужна.
– Закрывай, слышал, что говорю?

Аллигатор закрыл дверь, но с любопытством глянул напоследок, и я поняла: надо ждать. Я не помню, сколько пробыла около железных ворот. Боль в ногах заставляла меня двигаться. Я ходила туда и обратно вдоль решетки, как зверь в зоопарке. Потом стало очень ярко и шумно, и по мигающим лампам синего цвета я поняла, что это милиция. Какие-то рефлексы в моих мышцах сработали, и я нырнула в кусты. Я хотела найти свой дом, но не с помощью мигалок. Удивительно, я помнила номера всех экстренных служб. Ноль один – милиция, ноль два – пожарная, ноль три – скорая, ноль четыре – газовая. Интересно, кто вообще звонит в газовую, хоть раз в жизни кому-то пригодился этот номер? А сколько еще такой ненужной информации хранит память. От резких движений я согрелась и рассмеялась в ответ своим мыслям. Мне больше не было страшно.

Голос внутри меня стал слышимым, он велел мне двигаться вперед и не оборачиваться. Дальше мы

Воспоминания множатся, сплетаются между собой, и уже одному богу известно, куда какая ниточка ведет и откуда выходит. И куда потом с кровати в собственной комнате, кушетки в больнице, автомобильного кресла, мраморной плитки, потрескавшегося асфальта, иными словами, со смертного одра, куда все это девается, кому достается?

с голосом шли, поднимая ноги через бурьян, отодвигая высокие заросли, как занавески. Когда мы перестали видеть боковым зрением огни полицейской машины, мы остановились и обернулись. Назад к Аллигатору идти не хотелось, вдали прямо под линией электропередач светились огоньки, а еще дальше свистнула электричка. Мы хлопнули ладонями друг о друга и двинулись вперед, приговаривая.

– Люди нам помогут.
– Люди всегда помогут людям.
– Пусть не все, пусть не все, но мы найдем своих людей.
– Мы найдем их.
– Люди помогут нам вспомнить.
– Помогут нам вспомнить.
– И мы попросим у них чай.
– Мы поиграем с их детьми.
– И мы вспомним, где наш дом.

После получаса ходьбы огни приблизились наполовину, а усталость навалилась камнями в карманы. Хотелось спать, и мы легли спать, облокотившись спиной на кирпичную мусорку. Мы пошарили руками вокруг, нашли какую-то плотную тряпку и укрылись ей. Мы были в безопасности. Они пока не помогли нам, но помогут, а пока мы и сами себе можем помочь.

Проснулись мы от того, что кто-то тыкал палкой нам в живот. Мы стянули наше одеяло с головы и увидели перед собой мальчика-подростка в пуховике Adidas, шапке Nike и кроссовках Puma. Мы быстро оценили уровень угрозы и поняли, что в этой ситуации он минимальный.

– Привет.
– Помощь нужна? Ты чего тут, спала, что ли?

Мы кивнули и обернулись на наше спальное место. Одеялом оказался старый наматрасник, весь в желтых пятнах с прилипшим пухом. Джинсы по-прежнему выглядели неплохо, куртка тоже. Мы приободрились.

– Мы… Я, то есть, заблудилась.
– Пойдем, Мамка тебе поможет.

Мы шли и думали об услышанной где-то теории становления человека. В ней говорилось, что там, внутри нашей головы, есть и другие «я». *Я-ребенок* часто капризничает, *я-родитель* ругает за шалости, *я-взрослый* самый рассудительный из всех. Но есть и главный *Я* – он всех их объединяет и принимает решения. Я занервничала, *а что, если я потеряла свое главное Я*?

Но тут же услышала ответ на свой вопрос: *не волнуйся, ему вроде можно доверять*.

Мамкой оказалась грузная цыганка. Прямо вдоль путей на колком гравии тут и там на пятьсот метров вперед были растянуты пластиковые скатерти. Это был настоящий блошиный рынок.

– Садись, милая, скоро закончим тут и пойдем домой. Как тебя зовут, помнишь?
– Она, как и те, предыдущие, вообще не помнит ничего, – ответил за меня мальчик-подросток.

Такой ответ нас полностью устраивал. От вопросов болела голова, и мы опустились на складной стул. Откуда-то в нашей руке возник пирожок. Теплый, в ладони он напоминал маленького кролика. *С картошкой!* – протянул мальчик-подросток, присаживаясь рядом с другим пирожком в руке. Тесто заполнило наш рот, жевать его было приятно.

Пока заканчивался пирожок, мы успели установить некоторую системность блошиной географии. По центру лежало самое дорогое – часы, старые «Зениты», очки, детали от каких-то хрупких механизмов. Справа – медали и значки. Слева – альбомы с монетами и купюрами. Рядом на щебенке – книги в мягких обложках и коробка с фотографиями.

– За последний месяц вас таких уже двое приблудились, – выдохнула Мамка и стала собирать маленькие предметы в растянутую клетчатую сумку.

2.

В самый момент забытья люди как пенку снимают с молока – вспоминают о самых важных моментах своей жизни. Причем это совсем не обязательно такие события, как рождение ребенка, переезд в свою квартиру или замужество дочери. Часто ими становятся самые рядовые – долгожданная чашка кофе в придорожном кафе на трассе, улыбка незнакомки в метро, первый одуванчик после долгой зимы.

Воспоминания множатся, сплетаются между собой, и уже одному богу известно, куда какая ниточка ведет и откуда выходит. И куда потом с кровати в собственной комнате, кушетки в больнице, автомобильного кресла, мраморной плитки, потрескавшегося асфальта, иными словами, со смертного одра, куда все это девается, кому достается?

Эти мысли не давали покоя и Николаю Ивановичу Шишкину, российскому физику. В мае тысяча восемьсот девяносто первого года главный философский журнал опубликовал его статью. Это был смелый и совершенно оригинальный взгляд на психологию с позиции математика о том, что все мельчайшие движения нашей мысли, вплоть до ощущений, можно переложить в математические формулы и найти ответ на главный вопрос:

*Если математическая психологія возможна, и если ея формулы и уравненія истинны, не выходитъ-ли отсюда, что психическія явленія обладаютъ такой же несомѣненною опредѣленностью, какая напримѣръ, наблюдается въ явленіяхъ астрономическихъ? И что происходитъ с воспоминаніями человека, скажемъ, после смерти?**

Эти мысли не давали покоя и Алеше, листавшему пожелтевший, еле живой журнал «Вопросы философии и психологии» у дедушкиной кровати. Старомодный язык удивлял и даже смешил его, однако придавал прочитанному убедительность.

В октябре дедушке исполнилось восемьдесят девять. Последние четыре года он перестал вставать с кровати, но свою природную веселость сохранил. Семья понимала, что однажды дедушки не станет. И все, мама и Алеша, скукожились в воображаемую раковину и старались занимать все меньше места в доме. Ужины становились скромнее, праздники тише.

Алеша считал дедушку самым лучшим своим другом, вечерами он подолгу сидел у его кровати и разговаривал с ним. Как-то дедушка пожаловался Алеше на свои ногти на ногах.

– Цепляются за все, – засмеялся он. – Как я потом пойду-то, после смерти.

Дедушка всю жизнь преподавал математические предметы в школе и про жизнь после смерти еще ни разу не заговаривал. Алеша приподнял одеяло и пришел в ужас. Дедушкины ногти были такими длинными, что стали закругляться на концах, как маленькие рожки.

– Ерунда, сейчас все исправим, – сказал Алеша и вылетел из комнаты.

Взял из ванной мамин педикюрный набор, полотенце, навел в таз теплой мыльной воды и разложил у кровати.

– Готов?

Дед смущенно опустил ноги в таз и зажмурился.

– Плохо быть старым, Алеша, не думал я, что до этого дойдет.

– Дед, ну перестань. – Алеша взял в руки дедушкину ногу и попытался кусачками обстричь ноготь на большом пальце.

Ноготь не поддавался, под челкой у Алеши выступил пот.

– Посиди еще, нужно хорошенько распарить.

Алеша дошел до шкафа в прихожей, вытащил коробку с инструментами и взял кусачки-плоскогубцы побольше.

Ниже колен кожа на дедушкиных ногах была совсем сухая, и при малейшем шевелении с нее, как с березовой коры, отлетали бумажные чешуйки. Большой, указательный, средний, безымянный, мизинец. Один за другим Алеша брал дедушкины пальцы левой рукой, правой нажимал плоскогубцами на ноготь, тот издавал лопающийся звук и отлетал рядом на пол. Наконец со всем было покончено, Алеша вытер дедушкины ноги и переместил их в домашние тапки, а срезанные ногти свернул в газету.

– Прикурить? – Алеша поймал дедушкин взгляд.

– Если мама твоя не узнает.

Алеша достал из ящика письменного стола деревянную резную коробку с табаком и дал дедушке. Вспыхнула сера на спичке. Алеша открыл форточку и стал смотреть, как медленно втягивает в себя дым зеленоватое от труб электростанции небо. Дедушка тоже смотрел в окно и рассказывал, рассказывал, рассказывал. Алеша любил эти простые истории де-

* Здесь и далее Алеша читает реальную статью Н. И. Шишкина «О детерминизме в связи с математической психологией», журнал «Вопросы философии и психологии» 1891 года.

душкиной молодости. И хотя знал их наизусть, во рту у него от них становилось прохладно и щекотно, как от мятного леденца.

В конце декабря дедушка умер.

В тот день, когда позвонила мама, Алеша сидел на лекции по физике. Мама и в другие дни могла позвонить ему в такое время, однако в этот раз уже по первой вибрации телефона Алеша все понял. Забежал в метро и сам не заметил, как оказался на своей станции, «Чертаново». Увидел газетный ларек, где часто покупал дедушке «Московский комсомолец», и отвернулся.

Похороны дедушки совпали с сессией в университете. Затем наступил второй семестр, и Алеша пропустил и его. А потом взял академический отпуск, рассудив так: будет лучше помогать людям. Матери сказал не сразу. По обыкновению, он вставал утром, съедал рисовую кашу, оставленную на плите, закидывал в рюкзак яблоко и выходил из дома. Без дедушки в доме стало совсем тихо, и каждый раз перед уходом Алеша заходил в его комнату и вглядывался в его кровать. *Дед, ну как там?* – окликал он гладко убранную кровать и выходил из квартиры.

Алеша доезжал до центра по серой ветке, выходил на «Чеховской» или «Цветном бульваре» и шел пешком всегда в одно место, в *«Мир искусства»*. Ему нравился этот маршрут: сначала по Малой Дмитровке до Садового кольца, а потом через переулки до Новослободской. По бесчисленным полосам Садового гудели шины.

«Миром искусства» был маленький кинотеатр в подвальном помещении с приставными стульями. Сидеть на них было неудобно, и Алеша плюхался прямо на брошенный на пол рюкзак перед экраном. Утренние сеансы были бесплатными, а иногда Алеша оставался сразу и на второй. После фильмов Алеша шел тем же маршрутом до «Чеховской» и возвращался домой. А за одним из ужинов все-таки произнес:

– Я взял академ. Попросил дядю устроить меня к ним в больницу.
– Кем?
– Все равно, санитаром. Стипендия-то совсем крошечная, буду помогать тебе.

Ложка в маминой руке остановилась, а заведенная ей карусель в чашке чая продолжала нестись по часовой стрелке.

3.

Дом, куда Мамка с мальчиком-подростком привели меня, стоял прямо в поле в отдалении от железной дороги. Со всех сторон его обросла молодая чаща, и если бы не собачий лай откуда-то из глубины, распознать жизнь там было бы невозможно.

– Раньше здесь были дачи, – раскидывала Мамка руки в разные стороны. – Городские приезжали с мая и на все лето, ковыряли что-то, таскали воду в ведрах туда-сюда. А потом все, пришел капитализм.
– Только мы и остались. – Мальчик-подросток пнул ногой крупный камень своей слишком яркой для такой погоды кроссовкой.

Снаружи дом был кругленький, как огурчик, плющ обвил его блеклые стены и поддерживал с обеих сторон трещину, которая шла сверху и до середины. Внутри дом казался непропорционально просторным из-за снесенных перегородок. На полу лежали ковры, заползающие друг на друга своими хвостиками. К стенам были приклеены коричневым скотчем рисунки. На всех них были лица людей. Довольно искаженные лица. Выглядело не очень, как в музее давно почивших родственников. Но столько родственников не мог иметь один человек. Мы разулись.

– Так себе у тебя ботиночки. – Мальчик-подросток взял один из них и стал внимательно крутить перед носом.

Ботинки и правда были довольно уродливые. Язычок на одном из них был сломан, но нам бы он и не пригодился, мы легко могли всунуть и высунуть ногу, не притрагиваясь к нему.

– Красиво рисуешь, – соврали мы. Нужно было отвести тему. В первую очередь мы были девочкой, и нас волновало чужое мнение. Особенно по поводу своего внешнего вида. – А кто все эти люди?
– Паш, подъедь-ка сюда, новенькая у нас.

Из угла комнаты по ковру проскользила инвалидная коляска и притормозила около нас. В ней сидел мальчик с бородой и в очках с толстенными линзами. Через них глаза мальчика казались в несколько раз больше его лица, он поднял голову и стал всматриваться в меня через мутные стекла.

– Ну, приятно познакомиться, Павлин, художник, – церемонно проговорил он, протягивая руку.
– Взаимно, я… хм… не помню, как меня зовут.
– Да не парься, мы можем называть тебя Девочкой, идет?
– Идет.
– А ты ничего такая. – И повернувшись к мальчику-подростку, процедил: – Молодец, Малой, глазастый ты, сука.
– Уж точно покруче тебя. – Смех Малого был мерзким.

Я подошла к рисункам:

Каждый раз, поднимаясь на эскалаторе, смотрел вверх на надвигающуюся точку света, к которой приближались все пассажиры – кто-то с тоской в глазах, кто-то, даже не заметив приближения. И оказавшись в вестибюле, всегда прибавлял ход, чтобы поскорее выпорхнуть из стеклянной клетки на ослепляющий воздух.

– Так это что, все твое?

Вместо ответа Павлин развернул коляску к стене и демонстративно положил руки за голову.

– Рисует карикатуры у станции, но мало кому нравится, – махнул рукой Малой.
– Люди хотят получить воображаемую версию себя, а я вижу их, как они есть.

Малой исчез в темном углу комнаты, но через секунду появился с пакетом из *Пятерочки* в руках.

– Поможешь картошку помыть?

Стол соорудили прямо на полу. Для сиденья были предусмотрены старые подушки. Картошку сварили в мундирах, чистили ее руками прямо на газету, а перед тем, как откусить, окунали в соль. Павлин с Малым начали по очереди называть слова:

– Чизбургер.
– Картошка фри.
– Кока-кола.
– Торт «Наполеон».
– Шпроты.
– Стейк с кровью.
– Свиные ребрышки.
– Давай с нами играть?
– Да она ж не помнит ниче.

Но мы помнили, конечно, мы помнили, что такое картошка фри, и должно быть, даже бывали в *Макдональдсе*. Но, черт, куда все это подевалось.

В дверь вошла Мамка, и все замолкли. Она села по-турецки к нашему столу и стянула с головы платок. Я поразились ее волосам, вернее, корням волос – они были русые, даже какие-то бесцветные. Боже, она же даже не цыганка, подумала я, она обманула нас, затащила, и что теперь будет.

– Завтра подъем в семь утра, сходка на прежнем месте у станции, там и распределимся. Девочка, специально для тебя уточняю: я не Дева Мария, ты можешь тут остаться сколько потребуется, но ты должна будешь и отработать. Такие правила.
– Но я же ничего не умею.
– Поживем, отработаем, так у нас говорят.

4.

По телевизору шел выпуск о мартовском теракте на Лубянке, произошедшем год назад. Это, к счастью, тогда не коснулось никого из Алешиной семьи, но в корне изменило его ощущение от города. Москва за мгновение из дружелюбного дома превратилась в минное поле. Машинисты призывали не только уступать места друг другу, но и сообщать при обнаружении подозрительных вещей. И подозрительные вещи мерещились Алеше теперь повсюду.

Первый месяц Алеша с мамой старались избегать ездить в метро, пользовались автобусами и трамваями, Алеша достал свой старый велосипед. Как сложно было в первый раз заходить в метро, дыхание останавливалось, когда поезд начинал или заканчивал движение, Алеша крепче держался за поручень и готовился к тому, что вот-вот рванет. Он внимательно осматривал людей в широкой одежде, небритых мужчин и женщин в хиджабах, смотрел на их животы, прикидывал, может ли там быть припрятано взрывное устройство. То и дело Алеша встречался взглядом со взглядами других пассажиров и чувствовал, что они тоже в своей глубине настроены на смерть самим актом пользования подземкой. Каждый раз, поднимаясь на эскалаторе, смотрел вверх на надвигающуюся точку света, к которой приближались все пассажиры – кто-то с тоской в глазах, кто-то, даже не заметив приближения. И оказавшись в вестибюле, всегда прибавлял ход, чтобы поскорее выпорхнуть из стеклянной клетки на ослепляющий воздух.

В квартире Алеша тоже перестал себя чувствовать в безопасности. Дверь в подъезд не закрывалась, и любой мог войти и положить взрывчатку куда угодно, например, под лестницу. Их квартира

находилась на восьмом этаже и, засыпая, он представлял, что гремит взрыв и этажи складываются друг на друга, как игральные карты. Жизнь стала казаться Алеше совсем хрупкой, наступишь не туда – и все, до свидания.

В обед позвонил дядя с хорошими новостями.

Отделение, куда Алешу устроили дежурным, занималось пациентами с функциональными нарушениями памяти. Чаще всего эти нарушения были краткосрочными. Человек шел в магазин за сливочным маслом, а нейронная цепочка неожиданно схлопывалась у него в голове. В среднем на территории страны каждый год терялись более пятидесяти тысяч людей, прочитал Алеша в ознакомительной брошюре. Пятьдесят тысяч, произнес он, выстроил у себя в голове шеренгу людей в сто человек (больше не получалось) и стал мысленно подниматься все выше и выше над ними. Алеша сбился и устал. Выстроенные в его воображении пятьдесят тысяч людей растерянно смотрели себе под ноги и, выпущенные из Алешиного внимания, побрели в разные стороны. Со всех сторон был лес, и они медленно погружались в его лапник. Алеша поругал себя: мог бы продумать площадку и получше, без этих предательских зарослей вокруг.

Но была и хорошая новость: восемьдесят процентов находились, хотя точных цифр никто не вел. Раньше такими случаями не занималось специальное отделение, и их находилось куда меньше, чем сейчас.

Отделение находилось на Лосином острове. Ночью, кроме пациентов и охранника, в корпусе никого не оставалось. И Алеша полюбил эти вынужденные ночные дежурства, когда, после всех обходов, в три часа ночи он был предоставлен сам себе. Он читал, курил, свешиваясь из окна в черный лес, прислушивался, как в чаще поют выпи. Но лучше пусть они не поют, пациентам от этого становится совсем невмоготу, те просыпаются, подходят к окнам и вглядываются в чащобы своих собственных отражений.

Сегодняшняя смена закончилась в шесть утра, и, оказавшись за турникетом, Алеша поразился, что на улице светло, как днем. Вернее, какая же это улица! То была настоящая лесная просека с автобусной остановкой в пятнадцати минутах ходьбы. Алеша шел, осторожно ступая по асфальту, прислушивался. Он чувствовал себя гостем на этом острове и боялся случайно вторгнуться в тайный распорядок чьей-то жизни. В один из дней Алеша увидел лося из окна автобуса. Тот стоял совсем недалеко, метров пятьдесят от дороги, его фигура отбрасывала плотную тень на худенькие клены и орешник. Алеша, выросший в спальном районе многоэтажек, и представить себе не мог, что где-то в его городе ходят настоящие лоси.

Дойдя до остановки, Алеша сел на деревянные брусья скамьи, когда-то покрашенные синей краской, вытащил сигарету из пачки, легонько постучал ей по колену, как делал его дедушка, и закурил. Тоненький дымок от сигареты тянулся в воздухе сначала робко, нащупывая дорогу, а потом смешивался с запахом леса и расплывался вокруг еле уловимой дымкой. Автобус запаздывал, Алеша вытащил из рюкзака дедушкин журнал и продолжил читать:

Возьмемъ, наприм., отношеніе между образами и ихъ названіями. Если передъ нами какая-нибудь мѣстность, то словесное описаніе ея будетъ болѣе или менѣе предопредѣлено заранѣе; но если намѣ дано лишь словесное описаніе этой мѣстности, то воспроизведеніе ея въ образахъ фантазіи допускаетъ безконечный произволъ.

5.

Рано утром Мамка заверещала каким-то непохожим на нее голосом: *Встаем, пять утра, так все деньги проспите*.

У меня болела голова, но, допивая кружку жидкого чая, я поняла, что что-то изменилось. Другой уверенный голос покинул меня, и мне снова стало страшно.

– Девочка, ты что такая убитая сидишь, смотри, что я тебе нарисовал. – В руках Павлин держал картонку с черными буквами: ПОМОГИТЕ НЕМОЙ НА ПОМОЩЬ БОЛЬНОЙ МАТЕРИ.
– Что это?
– Ну для работы твоей, ты до Курского сегодня едешь и обратно.
– Паш, куда ты вечно лезешь! Подруга, у тебя сегодня важный день, попробуем собрать тебе денег. Тебе же нужны деньги? Хочешь вернуть память или уже нет?
– Хочу.
– Ну и делов-то! Малой все покажет.

В дверях показался Малой, но вместо приличной куртки и кроссовок на нем было потрепанное пальто и черные узконосые ботинки.

– Готова, Девочка?
– Нет. То есть да, но мне нечего обуть, – кивнула я на свои ботинки.
– Они как раз в тему.

По дороге к станции мы никого не встретили. *Идем коротким путем*, скомандовал Малой. Мы шли

по узкой асфальтированной дорожке сначала через какой-то неухоженный парк с почерневшим памятником (*Ленин*, отозвалось у меня), парк перетек в деревянный мост через заросшее болото и вывел к маленьким частным домикам. Некоторые из них показались мне знакомыми, но это чувство быстро исчезло. Потом мы прошли через здание музыкальной школы, так было написано белыми буквами на синей табличке, но никакой музыки оттуда не доносилось.

На платформе несколько людей ходили медленно вперед и назад, как часовые. Они делали это машинально, их головы были опущены. Когда подъехала электричка, все так же автоматически распределились на платформе и по команде железного голоса вошли в вагон.

– Так, заходим, не тупим. – Малой толкнул кулаком мне в бок.

Только оказавшись в тамбуре, я вспомнила, что даже не причесалась. Пассажиры с платформы уселись на свободные места у окон и уже через секунду поникли в своих телефонах.

Малой сунул мне в руки картонную табличку и похлопал по плечу.

– Стой, а что мне делать?
– Заходишь, становишься вот там у двери и держишь вот так мешок.
– Какой мешок?
– Да блин, вот этот. – Малой сунул мне в руку целлофановый пакет.
– А что говорить?
– Ты глухонемая! Написано же, читать не умеешь, что ли?

Малой прошел в вагон и сел на первое сиденье лицом к двери, закинув ногу на ногу. Он, очевидно, был доволен своей новообретенной властью. Я зашла следом, подняла перед собой табличку и замерла. Малой довольно кивнул.

На следующей остановке в вагон загрузилась еще горстка людей, потом еще. Через двадцать минут у меня так сильно разболелась голова, что пришлось ненадолго опуститься на корточки. Малой тут же шикнул. Я поднялась, но боль не утихала, и слезы потекли рекой. Я утирала их рукавом куртки, выходило не очень, и мои шмыганья скоро были на весь вагон.

На конечной люди поднялись со скамеек и выстроились к выходу. Проходя мимо, многие отворачивали лица. Тетенька в синей косынке со знакомыми глазами перекрестила меня, поскребла рукой в кармане и вложила в протянутый пакет горсть мелочи. Малой ободрился. Мужчина высказался куда-то в сторону: *работать не пробовала пойти, молодая вон какая*. Я хотела провалиться, диалог в очереди продолжался. Какая-то женщина крикнула в ответ, *да как вы смеете, мужчина, вы же видите, она глухонемая, беда случилась, разве можно так*. В пакет тем временем сыпалась мелочь. Последним встал Малой.

– Выходим, приехали, – взял пакет с деньгами и положил себе в рюкзак.

На платформе Малой махнул высокому мужчине у палатки, на которой было написано ГОРЯЧАЯ КУКУРУЗА, и во время рукопожатия вложил что-то ему в руку. При виде горячего пара над лотком у меня в буквальном смысле чуть не потекла слюна изо рта. Малой торопился, мы перешли на соседнюю платформу и снова сели в электричку. Женский голос крякнул: *Курский вокзал, следующая остановка платформа Серп и Молот*.

– Это Курский вокзал?

Малой стукнул себя по лбу и заткнул уши грязными ниточками наушников.

Столбы затанцевали, я смотрела на них и думала о кукурузе. Станция вокзала становилась все меньше и меньше, а потом и совсем пропала.

– Ну и че ты села? – повернулся ко мне Малой.
– Мы разве не домой?
– Вот твой пакет. Он все еще пустой, видишь?

6.

Алеша делал в отделении мелкую и нелюбимую всеми работу. Пациенты в большинстве своем были тихими и никогда не жаловались. Чаще всего он находил их в задумчивости, они как будто силились собрать растерянные по палате мысли. В перерыве между обходами Алеша нашел книгу на общей полке и стал читать.

Память – один из самых распространенных видов пластичности мозга, говорилось в аннотации. Всякий раз, когда человек узнает новое, в его мозгу происходят изменения. В восьмидесятые годы исследования памяти вызвали настоящий ажиотаж. Однако насколько далеко исследования продвинулись сейчас, однозначно сказать трудно. По-прежнему эта область считается недостаточно изученной.

Из-за волнообразной природы энергий воспоминания фиксируются неравномерно. И возвращаются тоже. С первого взгляда может показаться, что память – как лоскутное одеяло. Но это только поверхность, внутри одеяло прошито ровными стежками, за одну ниточку потянешь – и приведешь в действие сложную конструкцию.

Алеша продолжал скользить глазами по строчкам, но думал уже совершенно о другом.

За несколько лет до смерти дедушка рассказывал Алеше, что к старости он стал хуже видеть внешний мир предметов, но лучше внутренний.

– Вот представь, Алеша, – улыбался он, – иду я через парк домой. Ну ты помнишь ту тропинку, она узкая, но два человека точно смогут пройти. И навстречу люди идут. Я смотрю, совершенно обыкновенные люди поначалу. Но с одного глаз не спускаю, что-то в нем кажется мне странным. Шаг за шагом, и я все яснее вижу белую маску у него на лице. И черные глазницы.

Но вот мы поравнялись с ним: маски никакой нет, лицо как лицо, ничем не примечательное, ну бледноватое, может, чуть-чуть. Нельзя сказать, что мне показалось, но и нельзя сказать, что это доподлинно было. Окулист подтвердил потом, что у меня зрение за тот год резко упало. Всю жизнь единица почти, а тут раз – и минус появился. Все на дальнозоркость жалуются в моем-то возрасте, а у меня все наоборот.

И спрашивает еще: *ночью как видите*?

– Как понять ваш вопрос? – говорю.

– Ну попробуйте свет выключить резко в комнате и засеките, как быстро глаза адаптируются и начнут видеть. Если через тридцать секунд предметы не проявятся, то масло криля рекомендую пропить. Куриная слепота, значит, у вас.

– Вот что это такое, масло криля ваше? Без него я вижу смерть в темноте, позвольте оставить при себе, – говорю.

В комнату вошел Васильич, самый взрослый санитар их отделения, и увидел склоненного над книгой Алешу.

– Что взгрустнул? Пойдем покурим!

7.

Мы сделали пять или шесть кругов на электричке, и, кажется, я скоро поверю в свою немоту и больную мать. А что если моя мама и правда болеет чем-то? А если нет, что если она тоже поедет на этой электричке и узнает меня.

Мы вернулись домой тем же маршрутом: через музыкальную школу, пруд и заброшенного Ленина. Фонарей почти не было, но дорога уже была мне хорошо известна, ноги сами переступали лужи, лицо отворачивалось от веток. Вечерняя немота была комфортная, мягкая, она не задавала мне неудобных вопросов. В отличие от Малого:

– Че молчишь, игра закончилась. На сегодня.

– Ага.

– Обиделась, что ли?

– Я?

– У тебя парень-то был? До всего этого.

– Нет, наверное, не помню.

– Понятно. Скоро узнаем.

Мне не понравилось лицо Малого, мне вообще перестало все нравиться в этой компании. Глупо было полагаться на первого встречного. Или не глупо, я хотела есть и не хотела об этом думать.

Мы подошли к дому. Во всех окнах горел свет, это меня немного успокоило. Свет в окнах имеет удивительное свойство. Почему-то кажется, что если в доме горит свет, значит, там безопасно и тепло. Свет притягивает, свет приручает.

Малой открыл входную верь, донеслась музыка. Пахло чем-то жареным. Мои ноги запутались в пакетах с банками пива, которые лежали прямо на обуви. Тут же к двери подкатился Павлин на коляске:

– А вот и они!

Малой плюхнулся на корточки и вытащил банку из пакета. Под его пальцами она зашипела, и светло-коричневая муть брызнула прямо на ковер.

– Будешь? – боднула меня коляска.

– Я не пью.

– Это так все сначала. Ты попробуй.

Я в надежде обвела комнату глазами, но не нашла никаких следов Мамки.

– Можно я лягу спать?

– Ты че, подруга, сегодня твой успех отмечаем. Павлин пива даже купил на всех.

– Но…

– Обидеть хочешь?

Павлин стал ездить вокруг меня кругами на своей коляске. Для человека с плохим зрением он довольно неплохо входил в повороты. В один из своих заездов он схватил меня за руку. Я вскрикнула.

– Не отказывай инвалиду, это нехорошо.

На улице хлопнула калитка, и через секунду в дом ввалилась Мамка. Своим совиным взглядом она окинула комнату.

– Вы тут что устроили. Завтра выходной у вас, что ли, я не поняла?

– Девочка угощает. Мы хотели отметить, – отшатнулся от меня Малой.

Мамка ушла в ванную, мы по-звериному переглянулись, послышался звук сливаемой воды.

– Я что-то непонятное сказала, да? – Мамка снова появилась в комнате.

Она хлопнула рукой по выключателю и тяжелыми шагами прошла к железной кровати в дальнем углу. Я заползла на свой матрас и подоткнула одеяло под себя со всех сторон. Где-то через час, когда шепот и смех Малого с Павлином стих, я уснула.

8.

– Не люблю я этот Лосиный остров, – сплюнул Васильич, – как представлю, что там болота булькают, дурно становится, – и махнул рукой куда-то за забор, вглубь парка.

Курилка была главным источником если не новостей, то сплетен. Еще в университете Алеша понял, что самые важные вещи решаются на перекуре: какие вопросы будут на экзамене, как готовить шпаргалки, с кем встречается самая красивая девушка с младшего потока. Все самые интересные и бойкие ребята курили. Алеша хотел походить на них и тоже курил.

Здесь, в больнице, курили самые чудаковатые. Васильич, всю жизнь проработавший санитаром, Люба, уборщица с нервным тиком на правой стороне лица, и самый хозяйственный человек в больнице – молдаванин Михаил.

– Тут и сам Грозный охотился, – Васильич закурил вторую, – на медведей. Их к болоту загоняли собаками, тогда-то Иван с рогатиной и появлялся.
– А я слышала, что Грозный больше любил, когда провинившегося в медвежью шкуру зашивали и собак спускали, – сказала куда-то в сторону леса Люба.
– Не, по факту Грозный больше любил соколиную охоту.
– А это как?

От Алешиного вопроса Васильич откинул пальцем окурок как что-то ему надоевшее и уперся кулаками себе в бока.

– Ну молодежь! Так это когда охотник отпускает сокола, сокол ловит утку, тетерева, ворону или зайца. Но чтобы сокол не замучил свою жертву до смерти, лучше торопиться. Все свеженькое любят.
– Получается, охотник крадет у сокола, в этом смысл?
– Ты что, Лех, перевираешь, это древний царский обычай, – вступился Михаил, – для высокообразованных людей.
– И прогрессивных. У него даже свой астролог был, и не один, – подытожила Люба.
– Астролог?
– У меня бабка в пятом колене натальную карту ему рисовала.
– Так, покурили, пора и честь знать, – подытожил хлопком ладоней Васильич, чувствуя, что разговор зашел в опасный тупик.
– Не верите, у моей сестры спросите, в сорок пятой лежит, Виолеттой зовут.
– Ну, я пойду, пора. – Алеша пожал мужчинам руки.

Рука Васильича была горячая, а от Михаила пахло краской.

До метро Алеша пошел пешком, через Бумажную аллею. Ровная полоска асфальта вела его через лес как по выжженному эпидемией городу. Местами на асфальте он замечал трещины, к которым сползались гусеницы и улитки. Воспоминания о дедушке приходили к Алеше сами собой, как будто кто-то нажимал на кнопку старого проигрывателя. При жизни деда ему было как-то неудобно лишний раз сфотографировать. Остались только черно-белые снимки со времен дедовой молодости, старые философские журналы и кулек с ногтями. Алеша наткнулся на него случайно, когда убирался дома, он уже и не помнил, зачем сунул их в нижний шкаф комода, к старым ботинкам. Он вытащил этот кулек: деда уже нет, а ногти его – вот они.

В детстве Алеша собирал свои молочные зубы в пластиковое яйцо от киндер-сюрприза. От кого-то во дворе он услышал про зубную фею и каждый раз надеялся увидеть ее хотя бы во сне, без подарков. Но, в отличие от ребят во дворе, фея к нему так и не пришла.

Алеше было десять, папа вернулся с работы в каком-то непривычном возбуждении. Его щеки горели, усы были мокрыми от снега. В руках он держал желтую пачку «Несквика». У Алеши перехватило дыхание, рекламу «Несквика» он знал наизусть. Желтый пластик пачки был прохладным, Алеша понесся на кухню, откинул дверцу холодильника и стал искать молоко.

На кухню зашел папа и развалился на стуле. Его песцовая шапка, как провинившаяся дворняжка, свернулась у него на коленях.

– Мы с мамой разводимся, расходимся.

Алеша оторвал глаза от внутренностей холодильника и уставился на отца. Тут же он учуял кислый запах алкоголя и опустил глаза.

Через пару лет мама нашла нераспечатанную коробку «Несквика» в верхнем кухонном шкафу.

– Откуда у нас может быть «Несквик», если Алеша терпеть его не может. – Срок годности давно истек, мама покрутила коробку в руках и отправила в мусорку.

На асфальт перед Алешей отбросила тень мощная птица. Сокол, подумалось ему. Он на всякий случай огляделся и прибавил ходу.

9.

На следующее утро я проснулась раньше всех и почувствовала, что голос вернулся. За окнами только начало светлеть, я привстала с матраса, который был расстелен на полу, как и другие матра-

сы. На кровати спала только Мамка. В темном углу комнаты она походила на паука. Я присмотрелась: пару прыжков – и я у ее изголовья.

– Но и что ты сделаешь? – услышала я свой второй голос.
– Ничего и не собиралась, просто смотрю.
– Хорошо, давай смотреть.

Полчаса мы провели в наблюдении за происходящим, потом скрипнула Мамкина кровать, а за ней и ее голос: *вставайте, всю жизнь так проспите*.

Я положила в чай две ложки сахара и накрыла хлеб с сыром вторым куском хлеба. Я сжевала все быстрее всех, умыла лицо, положила на указательный палец немного пасты и потерла им зубы. Я была готова.

На этот раз на станции было гораздо больше людей, и я не стала просто стоять у двери. Я медленно двинулась между рядами пассажиров и заглядывала каждому в лицо. Люди вглядывались в картонную табличку, копошились в своих карманах и протягивали мелочь. Я вернулась к исходной точке и позвенела пакетом перед лицом Малого.

– Быстро учишься, может, в другой вагон?

Мы кивнули.

– Тогда туда и обратно.

Мы вышли в тамбур. Там мы отдышались и зашли в следующий вагон. Люди с удивлением разглядывали нас, смотрели на руки и на наши нелепые ботинки. Иногда протягивали деньги. Теперь мы меньше старались, потому что в вагоне не было Малого. Мы прошли один вагон, потом другой, пакет тяжелел, станции мелькали мимо одна за другой. В очередном тамбуре мы заглянули в пакет и прикинули, что мы хотим купить себе в первую очередь на эти деньги, но потом вспомнили о Мамке и разозлились.

Следующий вагон был последним, мы зашли в него и столкнулись глазами с мужчиной в камуфляжных штанах и с аккордеоном. Это был такой огромный и совершенно прекрасный аккордеон, нам казалось, прекраснее мы не видели ничего в этой жизни. С аккордеона мы перевели глаза на лицо мужчины и испугались: он скалился и взглядом показывал нам на выход. Мы попятились и стали двигаться обратно к двери тамбура.

Замерев за ней, мы смотрели через стекла двери на камуфляжного мужчину, он улыбнулся пассажирам и произнес отточенным голосом в маленький микрофон, торчащий у него из-за головы:

– В честь приближающегося Дня Победы я посвящаю всем нам эту песню.

И запел: *господа офицеры, по натянутым нервам я аккордами веру эту песню пою*.

Наши нервы и правда натянулись, голос из громкоговорителя объявил следующую станцию, и мы шагнули из вагона. Мы понимали, что это точно не понравится Малому, поэтому поскорее спрыгнули с платформы и быстро, как могли, двинулись к виднеющемуся парку. Электричка тронулась и унесла с собой камуфляжного мужчину, табличку и Малого. *Так куда ж вы уходите, может, прямо на небо, и откуда-то сверху прощаете нас* – отражалось от рельсов.

То, что мы приняли за парк, оказалось кладбищем. Но мы не испугались, глупо вообще бояться кладбищ, решили мы между собой. Мы прошлись по центральной аллее, вглядываясь в лица тех, кого нет. Фотографии были приятные, лица на них гораздо добрее, чем лица людей в вагоне, но денег, конечно, у этих добрых людей уже не попросишь. Некоторые могилки были сжаты узкими оградками, что еле-еле вмещался столик. Другие были посолидней, их памятники выглядели монументально, некоторые, в основном мужчины, были изображены в полный рост. В опрятных костюмах, с тростью в руке и перстнях на толстых пальцах. Некоторые оградки переходили в навес, и мы могли бы пару дней пожить в таком великолепии.

Влево кладбище уходило куда-то вдаль к оврагу. На мгновение нам показалось, что там между деревьями идет девочка, юная девочка с мягкими волосами, и держит в руке поводок со своей простой и такой же маленькой и хорошенькой, как она сама, собачкой. Мы негромко окликнули ее, но уже через пару метров потеряли девочку из вида.

На выходе из кладбища притормозила белая маршрутка с табличкой ДО МОСКВЫ. Мы решили: это то, что нужно, и сели на задний ряд.

– Платить будете, девушка?
– Буду, сколько?
– Сорок пять. – Мы вытрясли мешок мелочи на соседнее сиденье и отсчитали сорок пять рублей.
– Это что? Милостыню, что ли, просила по электричкам?
– Извините, крупнее нет.

Маршрутка затряслась и дернулась. Из окна нам было видно кладбище. Туманно-серые столбики и кривозубые оградки двигались все быстрее. Но уже нигде не было девочки с собачкой.

Мы ехали в маршрутке и думали о том, что нам нужен город. Наш город. Мы представляли себе стены города: то в очень древних древнерусских вариациях, то стеклянными пирамидами и, наконец, стенами Колизея. Мы знали, что стоит нам попасть в верхнее кольцо этого города – все образуется и,

возможно, вернется память. Хотели бы мы этого? И да, и нет.

На одной из остановок в маршрутку подсела женщина с ребенком. Ребенок плюхнулся на сиденье у окна, по-кошачьи положил под себя одну ногу. Маршрутка резко остановилась на светофоре, пропуская стайку школьников. И тут я снова почувствовала страх: голос замер. Ко мне вернулись мысли о моей матери. И стало очень горько и солено от них на душе. Перед глазами бумажными корабликами поплыли и Павлин, и Малой, и Мамка, и Аллигатор. И благодарность к ним, и стыд за них. Маршрутка снова тронулась, мысли вошли в ровный ритм, а потом совсем исчезли. Впереди показались всклокоченные перья Москвы.

Москва, какая же ты красивая. Каждый год на твоих магистралях пропадают люди и животные. Москва, ты как колючая проволока. Кому-то удается тебя преодолеть, кто-то навсегда застревает в твоей паутине и оканчивает свою жизнь прямо там, на разделительной полосе.

Курский знал меня, Курский ждал меня. Он приветствовал меня солнцем, отражающимся от его железных заборов. Он смотрел на меня знакомыми глазами с объявления на столбе. Глаза остановили меня: это были мои глаза.

Лилит, двадцать один год, темно-русые волосы по плечи. Ушла из дома в дутом коричневом пуховике и синих джинсах. Отличительная примета: на ней были черные мужские ботинки сорок первого размера. Кто что-либо знает о нахождении девушки, просьба сообщить по телефону.

Я не могла пошевелиться. Люди огибали меня потоками и, объединившись вновь, затекали в бурную заводь метрополитена. Я спросила у голоса, *что мы будем делать*. Но голос молчал, он сделал свое дело и отдыхал, свернувшись в тени моего отражения.

И тогда я побежала к милиционеру и нашла слова, чтобы все ему рассказать.

10.

Тотъ, кто знакомъ съ высшей геометріей, знаетъ, что сомнѣніе въ упомянутой теоремѣ о равенствѣ суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ ведетъ къ сомнѣнію въ безконечности пространства.

Алеша поднял глаза от журнала и встал, чтобы немного размяться. Лампочка на старенькой кофемашине мигала красным. Алеша проверил зерна, долил воды, опустошил контейнер с кофейным жмыхом и нажал на кнопку *Americano*. Кофемашина задергалась и принялась громко молоть зерна. Странный этот Шишкин, продолжил осмыслять только что прочитанное Алеша, он вроде сам физик, а допускает, что любая теорема может иметь альтернативный исход событий. Мозг тратит колоссальную энергию, чтобы запомнить, запечатать на подкорке любой пустяк. А потом, чтобы воспроизвести, тоже требуется энергия. Но если человек умирает, то энергия, затраченная на воспоминания, никуда просто так себе пропасть не может, на то и закон сохранения энергии есть. Она переходит из одного состояния в другое. Это любой пятиклассник знает. И раз так, куда же она девается?

В приемной послышались голоса. Алеша так и тронул свой кофе, надел белый халат и выскочил в дверь. Женщина, пятьдесят лет, в узких кожаных перчатках, когда-то белых. Когда ее нашли в полукилометре от проезжей части, перчатки уже вобрали в себя цвет веток, за которые женщина цеплялась, пытаясь найти дорогу. С ней еще оставался один кусок шарлотки, она испекла пирог к чаю сыну и невестке, но долго копалась в кухонных ящиках, хотела, чтобы пирог был теплым, нужна была фольга, а та, как назло, куда-то запропастилась. Из-за поисков фольги женщина и пропустила свой автобус и решила пойти пешком до следующей остановки, ведь, если она будет стоять, пирог точно остынет. Потом вспомнила короткий путь и свернула, но ошиблась и зашла в самую чащу.

В первый вечер она спала сидя, положив под себя ельник, укрывая собой шарлотку. Утром у женщины разыгрался аппетит, она отбросила с пирога фольгу, посмотрела на него, как на предателя, и жадно отломила первый кусок.

Женщину нашли на третий день под тем же деревом. Оставшаяся белизна перчаток помогла быстро обнаружить ее среди желто-елового леса, она спала, заслонив собой последний кусок шарлотки.

В отделении женщине дали чай, она разом выпила стакан, не снимая перчаток, и стала рассказывать, как будто продолжая секунду назад прерванный разговор с невидимым собеседником.

В Мадриде мы попали на праздник всех святых или что-то такое. На улице был карнавал, все женщины были в красных платьях, глаза мужчин блестели желанием. На мне тоже было платье, белое. Я хотела уговорить подругу пойти танцевать со мной, она хорошая подруга, но предпочитала всегда находиться в тылу.

– Я сумку посторожу.

В тот же миг подошел испанец, опустился на одно колено и жестом пригласил меня на танец. Я всегда думала, что испанцы высокие, но он был немногим

выше меня, и мои глаза упирались в его полураскрытые губы. Он так горячо дышал, что скоро у меня начали слезиться глаза, и я закрыла их. Говорят, что главное в танце – это ловкость партнера, но все не так. Главное раскрепоститься. Он шепнул мне на ухо какую-то фразу. Я не знаю испанского, но поняла ее так: *расслабься, я поведу*. Ритм танца ускорялся, расстояние между нами сокращалось, и скоро шум вокруг, музыка и мелькание стали такими быстрыми, что я как будто ненадолго потеряла сознание. Такой маленький секундный обморок, ну вы знаете, наверное, со всеми такое бывало.

Музыка остановилась, и все замерло, как бывает за секунду того, как пойдет снег. Я вернулась на место, ноги не держали, и я рухнула на стул рядом с Ладой. С соседнего столика обернулся мужчина и, выпуская горький запах текилы изо рта, произнес на русском:

– Вы так танцевали, я думал, он тебя убьет.

Перед тем как женщину переместили в палату, ей сделали тесты на внимательность, проверили давление и пульс. Алеша еще раз проверил палату, провел рукой по кровати, убеждаясь, что белье застелено ровно, и заглянул в тумбочку. Палата окнами смотрела на прореженную, старую часть леса. Внизу дворник собирал березовые сережки, похожие на червяков, в большой совок. Потом запрокинул голову и подставил лицо заходящим лучам солнца.

Имя женщины в отделении узнали по документам из ее сумочки. Навели справки в милиции, о пропаже женщины никто не заявлял.

11.

– Откуда ты пришла?
– Помнишь, как тебя зовут?
– Ты должна помочь нам.

Сейчас мы возьмем у тебя кровь, нужно измерить давление, закрой один глаз, теперь другой, как ты себя чувствуешь, голова кружится, пройди сюда, сейчас тебя отвезут в больницу, нам звонила твоя мать, ты помнишь, как ее зовут, твоя мама сейчас приедет, слышишь, ты должна помочь нам.

Успокоительные увели меня в тяжелую дремоту. Окна скорой были матовыми, ремень на откидном кресле тянул плечо, но двигаться не было сил. Мама приедет. Это звучало странно.

Потом была комната, женщина напротив задавала вопросы и заносила их в тетрадь в картонной обложке. Позади нее за столом сидел парень со старомодной прической, которые носили в старых фильмах, и смотрел в окно.

Нужно пить все таблетки, которые тебе будут приносить. Я кивнула, и меня повели по длинному коридору на второй этаж. В палате я заснула в ту же секунду, как опустилась на кровать. Через какое-то время в дверь постучали и объявили, что приехала моя мама. Я подскочила и начала быстро ходить по комнате. Голос вернулся:

– Ну что, ты довольна?
– Почему ты бросил меня?
– Я всегда был рядом.
– Люди помогли нам, видишь.
– А если люди приведут к нам Мамку и Малого?
– Да что с тобой?
– Они могут прийти и представиться нашей семьей.
– Это может оказаться не таким уж плохим вариантом.
– Ты соображаешь, что говоришь?
– Заткнись, пришли.

Дверь открылась, и вошла невысокая полноватая женщина с черным платком на плечах. Она села рядом на кровать, обняла меня и стала плакать. От нее пахло садовыми розами. Я вдыхала их, но внутри ничего не отзывалось, и тогда я тоже стала плакать.

– Это все из-за меня, все из-за меня. У меня было предчувствие, – повторяла она и гладила меня по голове.

Затем в палату зашла женщина в халате и сказала подготовиться, через пять-десять минут меня отвезут на анализы. Меня посадили в машину, и мы снова куда-то поехали. В другом отделении мне дали тесты на наркотики, для этого нужно было пописать на полоску бумажки. Я зашла в кабинку туалета и пыталась собраться с мыслями.

– Что возишься? – Через минут двадцать в дверь кабинки постучали.

Потом были еще какие-то тесты. Все оказалось отрицательным, ничего необычного, меня снова посадили на откидное кресло скорой, я впала в дремоту и очнулась уже в палате. На ужин был мутноватый суп с кусочками моркови и макаронами-звездочками, рыбная котлета с пюре и компот. Еду привез санитар, моего возраста. Он поставил поднос передо мной и не уходил.

Я начала есть суп. Я съела суп и начала есть пюре. Он стоял. Я съела пюре, но не стала есть котлету. Но он не уходил, я подумала: он хочет забрать пустую посуду сразу. Я стала есть и котлету, я торопилась, я глотала большими кусками. Котлета ужасно мне не понравилась, и пришлось запить ее целым стаканом компота. Я посмотрела снова на санитара и на тарелки. Он не уходил. Тогда я под-

толкнула стакан с тумбочки, стакан упал на пол, но не разбился.

Санитар вздрогнул. Я легла на кровать и отвернулась к стене. Я хотела, чтобы он ушел. Но он продолжал стоять у двери и что-то говорил. Он говорил и говорил, его губы без остановки шевелились.

В дверь постучал кто-то еще, и наконец оба исчезли. Я легла на пол, чтобы все вокруг перестало кружиться.

12.

По вечерам пациенты собирались в комнате отдыха на первом этаже. Воскресенья все ждали больше обычного. В этот день не было никаких процедур, а по телевизору показывали передачу о том, как потерявшие друг друга люди снова находились. Передача называлась *Жди меня*.

Ведущий в строгом костюме и с грустными глазами начинал программу так: *Им было суждено найти друг друга, никакие козни судьбы не смогли им помешать*.

Или так: помните, *как у Льва Николаевича, все счастливые семьи похожи друг на друга, и каждая несчастная семья несчастлива по-своему*.

А иногда так: *когда он ехал на встречу с друзьями, он не подозревал, что приготовила ему судьба*.

В девять начиналась программа новостей, состав зрителей менялся.

В десять Алеша выключал телевизор и следил, чтобы пациенты не заблудились в коридорах и вернулись по своим палатам.

После ночных смен на Алешу навалилась бессонница. Истории пациентов сплетались с его жизнью и превращались в какой-то каламбур. Он на секунду представил, а что если бы его отец случайно поскользнулся на плитке в очереди за молоком и потерял память. Алеша бы взял все на себя, он бы принес в палату их с мамой совместные фотографии, развесил бы их повсюду, сел бы рядом и все рассказал:

– Это вы на отдыхе в Ялте, смотри, на тебе та футболка с зеброй, мама всегда смеялась над этой футболкой, говорила, что в ней ты так похож на Адриано Челентано. А тут, смотри, я в костюме черта на утреннике в детском саду. Ты нарисовал мне усы синим фломастером и склеил рога из толстой фольги. Приходи скорей в себя, пап, мы же дачу купили в области, тоже не помнишь? Нет? Я даже тебе завидую, сейчас все расскажу. Поселок называется Клеверная Дымка. Какое удивительное название, правда? Там мы пойдем на рыбалку. Ты вытащишь из банки самого жирного червяка и насадишь его на крючок. Тельце червяка задергается. Ему не больно, скажешь ты мне, червяки ничего не чувствуют, они бессмертны. Я не стану с тобой спорить.
– Я ушла, – донеслось из прихожей.

Алеша вздрогнул, утро стало уплывать от него все дальше, и там, под потолком, хлопнуло и окончательно растаяло.

– Ок, мам, – пробурчал Алеша, не до конца понимая смысла ее слов.

В больницу Алешу вызвали раньше обычного: привезли сразу несколько пациентов. После осмотра их поместили в палаты, Алеша должен был заранее их подготовить, а после зайти к каждому с ужином. Обычно в день поступления пациенты почти не разговаривали и отказывались от еды. Первым пациентом был восьмидесятилетний дедушка, он заблудился недалеко в Лосиноостровском, свернул куда-то с Яузской аллеи и угодил прямо к болотам, услышал, как кто-то зовет его по имени. С помощью местных служб на второй день его уже нашли, он был спокоен и всю обратную дорогу говорил, что *не понимает, куда его везут, если он уже пришел, куда хотел*.

Второй пациенткой оказалась молодая девушка с подозрением на диссоциативную амнезию. Она вообще ничего не помнила, даже своего имени. Как оказалось, наука не давала однозначного ответа, почему такое случалось, но к таким пациентам память возвращалась не сразу и не ко всем. И такие пациенты попадались все чаще, в каморке шутили, что болезнь времени такая. Системный сбой.

Алеша стукнул три предупредительных и вкатил тележку в палату. Запах еды напоминал ему детский сад с ненавистными рыбными котлетами. Он поставил поднос на тумбочку и замер. Перед ним была Лилит.

Они учились вместе до девятого класса, их дни рождения были в один день с разницей в несколько месяцев. Потом ее семья переехала куда-то в Подмосковье, одноклассники говорили, что из-за важной работы отца. Он звонил на ее новый номер, там ему ответили, что он ошибся. Потом был другой номер, но тоже тишина. Когда появились социальные сети, Алеша каждый день пытался найти какой-то след Лилит, просматривал профили своих одноклассников, но ее нигде не было.

Лилит ела быстро, Алеша даже забеспокоился, что она подавится. Она не узнала его. Мало того, было понятно: она хочет, чтобы он ушел. Черты ее лица были все те же, но привычная мимика куда-то

исчезла. Прежняя Лилит умела улыбаться правым уголком рта, а когда задумывалась, ее лицо становилось таким печальным, словно она сейчас заплачет. Прежняя Лилит, как и он, ненавидела рыбные котлеты, и они всегда оставляли их на своих тарелках во время школьных обедов. Теперешняя ничего не имела против них. Алеша видел, как падает стакан на пол, подумал, что надо перехватить его, но так и не сдвинулся с места.

– Ты чего тут застрял? Пойдем, посуду надо забрать, – позвал Васильич из открытой двери.

13.

На следующий день меня перевели в палату напротив. Она была больше и с двумя кроватями. На стене был подвешен круг в виде паутины, с которого свисали вниз перья. Лилит знала, что это ловец снов, его вешают, чтобы отпугнуть болезни и злых духов. Прямо под ним на кровати сидела женщина, ее ноги в теплых носках были скрещены, как у восточного монаха.

– Лилит, значит?
– Что?
– Тебя Лилит зовут, мне так сказали. Это правда?
– Я прочитала имя на объявлении.

Я подошла к своей кровати, на подушке лежала карта. Я подняла ее и переложила на тумбочку.

– Это твоя, разложила сегодня с утра на тебя.

Я перевернула карту, это был червовый валет.

– Вы гадалка?
– Нет, я просто умею читать знаки.
– Не понимаю.

Пациентка спустила ноги с кровати и начала говорить. На ее носках были старинные узоры, которых я никогда не видела.

– Красивый ловец снов.
– Сестра подарила, она тут работает. Видишь эти пути-паутинки, которые сплетаются в центре? Это дороги. У каждого из нас много дорог, но на каждом перекрестке мы должны решить, куда двинемся дальше.
– Но какая разница, какую нитку ты выбрал, если в итоге они все идут в одну точку.
– В этом и смысл. Путь всегда важнее, а конечная точка – это просто продолжение паутины.

Я ничего не ответила и легла на кровать.

– Вижу, тебе правда надо отдохнуть. Я Виолетта. Но это не настоящее имя. А твои родители, конечно, молодцы. Догадались такое имя дочке дать.
– Молодцы. Наверное. Я ничего о них не знаю.
– Так звали первую жену Адама. Она была такой же первородной, как Адам, и тоже из глины.
– Ее разве не Ева звали?
– Ха, дорогая, моя, Ева была второй, созданной по образу и подобию Адама, верной помощницей, из его же ребра.
– Я никогда об этом не слышала.
– Ну, знаешь, историю писали не один раз. Когда моя бабка училась в школе, Бог был. Мне в школе рассказывали уже другое.
– Очень вам сочувствую.
– Сейчас Лилит изображают какой-то демоницей. Но это не правда, творец решил, что получилась плохая женщина, и приказал ей уйти за кольцо верхнего мира.
– Верхнего мира?
– Девочка моя, вижу, ты совсем растеряна. Отдохни. Скоро придет, этот твой червовый валет.

–…

– Ну, Леша наш, хороший парень, заботливый. Вчера все уши мне прожужжал.

Я легла лицом к стене и стала следить, как солнечные зайчики устраивают на стене целое представление. А потом я заснула.

Мне снилось, что я умею летать. Я прыгаю по крышам, по деревьям, а потом подлетаю к окнам домов. Вдруг я приземляюсь на одном из карнизов и вижу в окне *себя*. Но себя маленькую, мне пять или шесть лет, на полу разбросаны фигурки из конструктора лего. На подоконнике цветут герани, сломанная дверца комода приоткрыта, и туда забралась кошка. Маленькая Лилит поднимает голову, и на секунду мы встречаемся с ней взглядом. Я делаю шаг назад и срываюсь вниз.

14.

Уже никто и не помнил в их семье, сколько длился развод. Папа приходил и уходил, собирал и снова разбирал свою черную сумку с вещами. Одно время он и вовсе заперся в своей комнате. Алеше тогда было около семи, и его беспокоило, что папа так долго сидит в комнате один. В одну из ночей Алеша решил не спать и нести караул. Он знал, что, когда папа в плохом настроении, его нельзя ни о чем спрашивать и желательно вообще не попадаться ему на глаза, чтобы еще сильнее его не огорчить.

Алеша дождался, пока мама погасит свет и вернется в свою комнату. Тогда он вытащил подушку и одеяло, положил у стены напротив папиной комнаты. Светящая полоска под папиной дверью была единственным живым местом в доме. Постепенно

темнота вокруг полоски становилась все гуще, она все ближе и ближе подбиралась к этому последнему островку света. Желтый свет стал оранжевым, потом янтарным, как мед в трехлитровой банке на кухонной полке. Мысли Алеши становились медленнее, а потом и вовсе слиплись в один восковой комок разжеванных сот. Вдруг за дверью показалась папина фигура и направилась прямо к нему. Фигура взяла его на руки и вместе с одеялом и подушкой отнесла в комнату. Свет в комнате слепил Алешу, и он все никак не мог рассмотреть папино лицо.

– Боже ты мой, опять бродил во сне?

Алеша проснулся. Над ним стояла мама. Вокруг него была все та же прихожая, а под папиной дверью больше не горел свет.

15.

В палату постучали.

– Добрый вечер, собираемся на прогулку.
– Я пас. А красота наша пойдет.

Я посмотрела на Виолетту, потом на Алешу. Оставаться в палате мне хотелось меньше, чем гулять. У кровати стояли розовые спортивные кроссовки. Видимо, их оставила мама. Я зашнуровала их и удивилась, что кроссовки сели в размер. Алеша уже держал в руках тонкий пуховик, тоже мне не знакомый, я не препятствовала.

Территория больницы была небольшая. Асфальтированная дорожка для прогулок огибала большую клумбу и уходила за здание. Там был внутренний двор и росли высокие деревья. Видимо, во время строительства их не тронули, и они так и остались там расти, отделенные от других деревьев уродливым забором. Я задрала голову. Вверху разлученные деревья касались друг друга ветками. Я повернулась к Алеше: он как будто изучал мое лицо, даже не пытаясь скрыть свою слежку. Я спросила:

– Интересно, каково это – быть деревом? Стоять вот так всю жизнь на одном и том же месте.
– Вся их жизнь протекает там, под землей. Их корни пересекаются, так они передают друг другу информацию, обсуждают важные вещи.
– Какие же?
– Погоду, например.
– Если бы ты был деревом в следующей жизни, какое бы ты выбрал?
– Лучше бы овощем. Помидором или даже картошкой.
– Почему?
– Знаешь, есть теория, что после смерти воспоминания и энергия прошлой жизни никуда не деваются. И что если бы такое происходило, то люди просто-напросто взрывались бы.
– В следующей жизни ты будешь мудрым помидором.

Мы рассмеялись.

– Какой я была раньше?
– Что ты имеешь в виду?
– Ну до этого всего? Мы близко общались?
– Да, мы были друзьями в школе, а потом… тебя перевели в другую школу, и мы стали видеться реже.
– Я курила? – Я кивнула на пачку табака в руках Алеши.
– Нет.
– Давай, скрути мне, проверим.

Алеша, как фокусник, вытащил сигарету из-за уха.

– Обычно на смену заранее накручиваю, – объяснил он.

Чикнула зажигалка, и вверх потянулись две тоненькие струйки дыма.

– Ну как?

Держать сигарету было привычно, вдыхать дым тоже. Если я правда курила тогда, в другой жизни, то не понимаю зачем.

– Супер! – сдержалась я, чтобы не закашлять.
– Как прошла встреча с мамой?
– Я совсем не помню ее, ту прежнюю.
– Ей очень сейчас тяжело.
– А я, можно подумать, развлекаюсь.

Я встала с лавочки и стала подкидывать кроссовкой кучку собранных кем-то прошлогодних листьев.

– В твоей карте никаких хронических болезней или травм головы. Но есть кое-что еще. Ты была в тот день в метро, в том поезде, когда произошел теракт. Помнишь? В марте прошлого года? Ваши вагоны эвакуировали, там никто не пострадал. В отличие от других вагонов. Твоя мама рассказала, что после трагедии ты вела себя, как будто ничего не произошло. Но, видимо, где-то внутри тебя этот страх остался. Возможно, в тот день, когда ты потеряла память, что-то вызвало эти воспоминания обратно.

Я отвернулась.

16.

В пятой палате выбило стекла и загорелись шторы. Произошел взрыв.

Санитары забегали по палатам и стали выводить пациентов на улицу. Васильич с сигаретой в зубах разбил кулаком щиток с огнетушителем и стал дер-

гать его во все стороны, чтобы тот заработал. Люба побежала в палату к Виолетте с криком: *Девочки, валим!*

Пациенты толпились у больницы, прикованные к окну с тлеющими занавесками. Впрочем, оцепенение не помещало им обмениваться мнениями.

– Мужик из двадцать пятой взорвался, слышали?
– Да иди ты! Мелешь чушь!
– Говорят, если человек взрывается, то была последняя реинкарнация его души.
– Это что значит, повезло ему?
– Да кто теперь разберет, Господи, прости!

Алеша последним выбежал на улицу и стал искать глазами Лилит. Ее нигде не было. Бросился обратно в больницу и проверил палату. Пусто. Из окна Алеша увидел, как один за другим через незакрытые задние ворота неспешным шагом выходили пациенты.

– Эй вы, стойте! А ну назад, – крикнул он через окно.

Никто не обернулся, пациенты, оказываясь за воротами, разбредались в разные стороны. Сначала он стал возвращать самых медленных, брал их под руки и уводил обратно за калитку. Из-за угла выскочил Михаил, стал принимать у Алеши пациентов и организовывать их в кучки рядом с собой.

Алеша понял, что побег не входил ни в чей план, и стал искать Лилит. Он бежал по лесу и наконец заметил ее спину. Крикнул, но она не остановилась.

Алеша почти нагнал ее, но зацепился за свежий пень и рухнул ей под ноги. Она обернулась. Это была Виолетта.

– Ну что, Алеша, растерял всех своих овечек?
– Где Лилит?
– Кто знает, кто знает. Что положено произойти, то и происходит.
– Возвращайся в палату. Немедленно! – впервые за много лет закричал он.

Нога у Алеши сильно зудела, он бегло осмотрел ее: кожа была сильно содрана. Алеша попытался встать, но понял, что это невозможно. Его ступня была как-то странно вывернута. Гнев и бессилье охватили его. Он стал кричать: НАЗАД! НАЗАААААД.

Его крик пролетел между деревьями и осел в зарослях. Он закричал снова, но слов было уже не различить. Это был бессильный мужской рев, выпущенный наружу. Страшный и парализующий. Спустя какое-то время он успокоился и попытался снова пошевелить ногой. Вокруг него на земле начинала восстанавливаться жизнь. Муравьи тащили крохи разрушенного при падении муравейника, пищала мошкара, перекликались между собой птицы. Где-то в глубине леса залаяла собачка.

17.

Сегодня я впервые увидела свою комнату.

В квартире пахло чем-то кислым, но знакомым. В прихожей нас с женщиной-мамой встретил мужчина. На его белой футболке была надпись NASA на фоне синей планеты.

– С возвращением, дочка!
– Здравствуйте.

Мужчина был высоким, с ровными седыми усами, плавно переходящими в такую же седую бороду. Он обнял меня, от его одежды приятно пахло одеколоном.

– Так это были ваши ботинки?

Мужчина рассмеялся и потрепал меня по голове.

– Проходи, будем ужинать.

Пока я вешала свою куртку и расшнуровывала кроссовки, успела рассмотреть фотографии, приклеенные к уголкам зеркала. Женщина-мама держит в руках кота. На другой – девочка с бантом на школьной линейке, вероятно, я. На тумбочке лиловый телефон. В кармане я нащупала записку с телефоном Алеши, который выдала мне Виолетта в последний день выписки. Возможность кому-то позвонить успокаивала меня.

– Лилит, идешь? – окликнул меня голос женщины-мамы.

На столе маленькой кухни стояла кастрюля с супом, нарезанный хлеб лежал прямо на скатерти. Я медленно глотала теплый красный бульон (борщ, твой любимый) и вертела головой то на женщину, то на мужчину. Мои мама и папа. Мои родители. Надо сказать, они произвели на меня хорошее впечатление. Словно сговорившись, не задавали мне никаких вопросов. Сначала они переговаривались о каких-то пустяках, а потом включили телевизор, тут же на холодильнике. Из телевизора донеслась знакомая мне песня об офицерах с натянутыми нервами. Я поблагодарила за ужин и спросила, можно ли мне увидеть мою комнату. Родители отрицательно закачали головами, дав понять, что такие вопросы излишни и им неприятно их слышать. Я кивнула и не стала объяснять, что спросила это, потому что не знала, в какую из комнат мне идти.

Я встала из-за стола, вышла в длинный коридор и наугад открыла дверь комнаты справа. На двери раньше что-то висело, а теперь остались лишь блестящие полоски скотча. Со стен комнаты на меня смотрели лица музыкантов и актеров. Я закрыла за собой дверь и стала рассматривать стол (он был весь завален какими-то тетрадями, книгами, фигурками из киндер-сюрпризов), свою кровать, свой шкаф.

Как предыдущая я могла жить в таком беспорядке, я не понимала. Наверняка все забывала и теряла. Даже память свою умудрилась потерять, я усмехнулась этой мысли и с разбегу плюхнулась на свою кровать.

Моя комната, ты же не обидишься, если я все тут поменяю. Не комната, а кошмар.

Я заглянула под кровать и вытащила коробку из-под обуви. В ней был разный хлам, наклейки, сломанные карандаши, косметика. Ничего, что говорило бы обо мне что-то, кроме того, что я жуткая неряха. Я убрала коробку снова под кровать.

Это было какое-то зазеркалье. Мне страшно не нравилась комната. У меня не было ничего общего с прежней мной.

Я вернулась в прихожую к телефону, вытащила из кармана бумажку с Алешиным номером и сняла трубку.

– Алло, Леша, привет.
– Привет. А кто это?
– Это я, Лилит.
– Извини, не узнал твой голос.
– Ничего. Как твоя нога?
– Как новенькая. – Алеша попытался двинуть перевязанной ногой и поморщился от боли.
– Жаль, что так вышло.
– Да брось. Зато мы с папой пообщались, впервые за пять лет.
– Жаль, что я ничего не помню про твоих родителей.
– Ну, у нас будет время познакомиться. Как твои родители?
– Хорошо. – Лилит разглядывала кота на фотографии и крутила пальцем провод.
– Встретимся, как все наладится?
– Да, друзей у меня не так чтобы много. Приезжай в гости. Мама обещала приготовить что-то вкусненькое. Адрес попозже скажу, не запомнила.
– У меня есть, я записал себе из твоей больничной карты.
– На связи! Не теряйся.

18.

Через неделю после возвращения домой Лилит стали звонить и ее друзья по школе, подъезду и танцевальной студии. В их голосе звучало беспокойство. Лилит старалась не подвести прошлую себя и поддерживала беседу.

– Нет, пока ничего так и не вспомнила, – повторяла она, как заевшая пластинка.

Ее лучшая подруга по телефону представилась Кариной, она не стала много расспрашивать и подвела итог:

– Все понятно, я приду через десять минут. Есть план.

Карина была одного роста с Лилит и обняла ее так сильно, что Лилит почувствовала, что так, должно быть, и выглядит настоящая дружба.

– Короче, эти сучки не верят, что ты потеряла память.
– Какие сучки?
– Девчонки из нашей танцевальной студии.
– Я могу их понять.
– Но на меня ты всегда можешь рассчитывать, поняла? Я сама в шоке, ничего похожего, кроме внешности, на мою Лилит в тебе нет. Но характер наверняка тот же остался. Подружимся!

Я кивнула.

– Вижу, ты прибралась в комнате. Ну ладно, мне пора.

На стенах не было плакатов, стол был переставлен к противоположной от окна стене.

– А, стой, у меня идея. Давай ты будешь вести видеодневник, на ютубе, например. Расскажешь о своей истории. Это же нечасто такое бывает. Феномен, можно сказать, так и в газетах написали.

Кажется, прежняя я бы не одобрила, но мне нынешней это показалось отличной идеей. Через неделю Карина притащила из дома портативную видеокамеру, я накрасила глаза черной тушью, которую нашла в коробке под кроватью, поставила стул к стене и села.

– Ну что, мотор? – хлопнула себе по коленке Карина.
– Подожди, я что-то растерялась, а что говорить?
– Расскажи, как все началось. Как будто себе рассказываешь. Ну, как послание в будущее.

Я поглубже вдохнула и начала.

Первое, что я помню, – это соленый вкус во рту и жжение на коже, я поднялась и ощупала себя. Все было цело, только рука немного поцарапана.